

Ворота Солнца в Тиуанако – одно из самых древних сооружений Земли

О Южной Америке я мечтал давно

О Южной Америке я мечтал давно. Именно мечтал, ведь помимо желания требуется преодолеть кучу преград: найти деньги, оформить визы, подготовиться как следует, ведь в Южной Америке и дороги ожидалась нелёгкие, и климат непривычный – горный, тропический. С деньгами, конечно, было труднее всего – из учительской зарплаты их не выжмешь. И всё-таки путешествие в Южную Америку состоялось в конце августа – начале сентября 2011 года. Мне повезло: финансовую сторону взвалило на себя Русское географическое общество, а многие государства Южной Америки ввели безвизовый въезд и открыли границы. Перед отъездом московские журналисты стали пугать меня, что Боливия – самая опасная страна для белых путешественников. Мой же опыт странствий давно доказал, что люди в любой части Земли – такие же, как и мы: добрые и не очень, счастливые и не очень, но вовсе не страшные.

В древнем городе

От Десагуадеро – приграничного городка – я направился напрямую в Ла-Пас, столицу Боливии. Несмотря на четырёхкилометровую высоту, ехал легко – от границы тянулось довольно ровное плато, лишь изредка дорога начинала скакать, путаясь среди холмов, обходя каменные россыпи или песчаные острова.

Проехав километров 30–40 от границы, я обратил внимание на слегка изменившийся цвет воздуха. Он оставался таким же прозрачным и лёгким, но теперь складывалось впечатление, что его перетопило солнце. Как цвет топлёного молока отличается от цвета свежего, так дневной воздух отличался от утреннего. Он был прозрачный, но какой-то уставший, томлённый. Сначала я подумал, что это обман зрения, потом мне показалось, что лучи отражаются мелкой жёсткой травой. Но воздух «топился» и в тех местах, где травы не было вовсе.

К полудню, по мере продвижения солнца, земля вокруг окрасилась в ярко-оранжевый цвет, а воздух стал густым и плотным. Причём цвета менялись на глазах: сменился и цвет земли, а затем и неба. Чем дальше шло по небосводу солнце, тем темнее и глубже становилось небо. Его словно тщательно грунтовали фиолетовой гуашью. Таких природных красок я не видел никогда! Это зрелище было тем удивительней, что именно в этот момент

я подъехал к Тиуанако – развалинам древнейшего индейского города.

К Тиуанако моё сердце привязано с детства. Ещё в школе у меня разгорелся интерес к древним культурам. И больше всего захватила доколумбовая Америка. Древний Рим по сравнению с древней Америкой кажется эпохой близкой, находящейся почти рядом, не исчезнувшей бесследно. А здесь – далёкая от Европы земля, цивилизации, тонущие где-то в глубинах веков, в безднах времени, в других измерениях. И интерес мой завязался именно с Тиуанако – таинственного города Нового Света. Непросто найти объяснение затерянному на высокогорье городу. Никто внятно о нём не сказал до сих пор ничего.

Едва я ступил на территорию города, время пошло очень медленно. Я успел обойти всю центральную площадку, потрогать почти каждый камень, рассмотреть со всех сторон застывшие статуи, успел оценить работу древних мастеров и силу жгучего сухого солнца, и вдруг, взглянув на часы, обнаружил, что прошло лишь три минуты. Я удивился, но тотчас забыл о минутной стрелке – слишком интересны были ощущения, в которые окупился. И с удивлением признал, что держу под контролем каждую свою мысль и комментирую каждое движение. Мне казалось, что я вижу самого себя со стороны и даже рассуждаю о себе в третьем лице. Но даже и это не столь важно.

Само место – вот что интересно! Не зря оно было выбрано древними. Я стоял в самом центре развалин и испытывал необъяснимое чувство гармонии, словно древние строители этой центральной площадкой «пометили» точку, с которой можно ухватить саму суть «золотого сечения» природы – независимо, знает о его существовании приходящий сюда человек или нет. Всё: тёмно-синее небо, изгибы горных хребтов и серые, с отливом их вершины, оранжевая земля межгорной долины и полуденное солнце – создавали ощущение абсолютного совершенства! Стоило уйти чуть в сторону, и это чувство исчезало. Три раза я повторял этот опыт (выходил с площадки и возвращался обратно), и всё повторялось сначала!

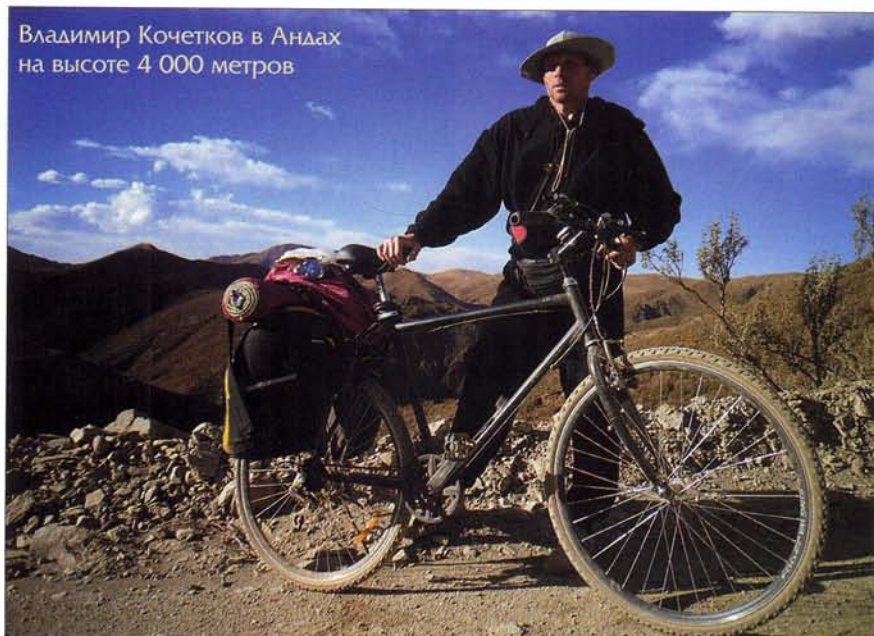
Тиуанако стал седьмым из десяти мест Земли, куда я ещё в юности задумал обязательно попасть, отметив для себя эти десять чудес света. И вот сейчас я стоял в центре Тиуанако и открывал ещё одну тайну.

Мачу-Пикчу

На Мачу-Пикчу из городка Агуас-Калиентес я поднимался пешком. Мачу-Пикчу – это наиболее хорошо сохранившийся город инков. Расположен недалеко от Куско. Его называли и «цитаделью», и «затерянным городом», и ещё как-то. Сейчас это далеко не затерянный город: туристы тянутся каждый день потоком. Эти развалины для Перу и национальное достояние, и «золотое дно». Билет стоит дорого, и в паспорт штамп ставят – посольские визы – словно пропуск в государство инков.

Мне предстояло подняться с двухкилометровой высоты на высоту 2500 метров. Тропа шла вверх, как один сплошной подъём из разновысоких ступенек. Говорят, что это остатки старой тропы инков. Готов поверить – как же иначе могли подниматься сюда бывшие его жители? Вообще же эта тропка тянется вдоль почти всего русла реки Урубамбы, несколько десятков километров.

На подходе к Агуас-Калиентес я познакомился с парнем из Мексики Рудольфо Салинасом, и восхождение мы решили осуществить вместе. Мексиканец мне сразу понравился: общительный, доброжелательный, движения экономные – сразу видно,

Владимир Кочетков в Андах
на высоте 4 000 метров

что выносливости не занимать. Рудольфо хорошо подготовился к подъёму: надел лёгкий спортивный костюм, вооружился двумя трекинговыми палками.

Мы вышли рано, освещая путь фонариками и надеясь попасть в город до восхода солнца. Желаящих подняться пешком оказалось немного, человек 15. Подъём оказался трудным и долгим. Склон крутой, ступени высокие, сантиметров по 30, выложены камнем. Вокруг деревья – пальмы, лианы, платаны – листья близко, карабкаешься, почти касаясь их плечами. Идёшь, идёшь, а тропа всё вверх и вверх, сердце колотится всё сильнее, пот сначала струйками по спине, а потом сплошным потоком течёт – слышно, как капли падают вниз. Рудольфо почти бежал, легко перебирая ногами, я за ним еле поспевал. Сначала у меня хватало сил наблюдать за ним, потом я поднимался, стараясь его из виду не упустить, но на середине пути сдался, не выдержав темпа, остановился. Рудольфо убежал. Я дух перевёл, костюм сбросил, шорты надел – дело пошло легче.

Рассвело. В одном месте ветви деревьев расступились, и я увидел Агуас-Калиентес. Увидел глубоко внизу и испугался – надо же столько отмахать! Даже голова чуть закружилась от высоты. Хорошо, что по темноте

Стены из камней, сложенные индейцами без связующего раствора, стоят веками

Водопровод в Мачу-Пикчу

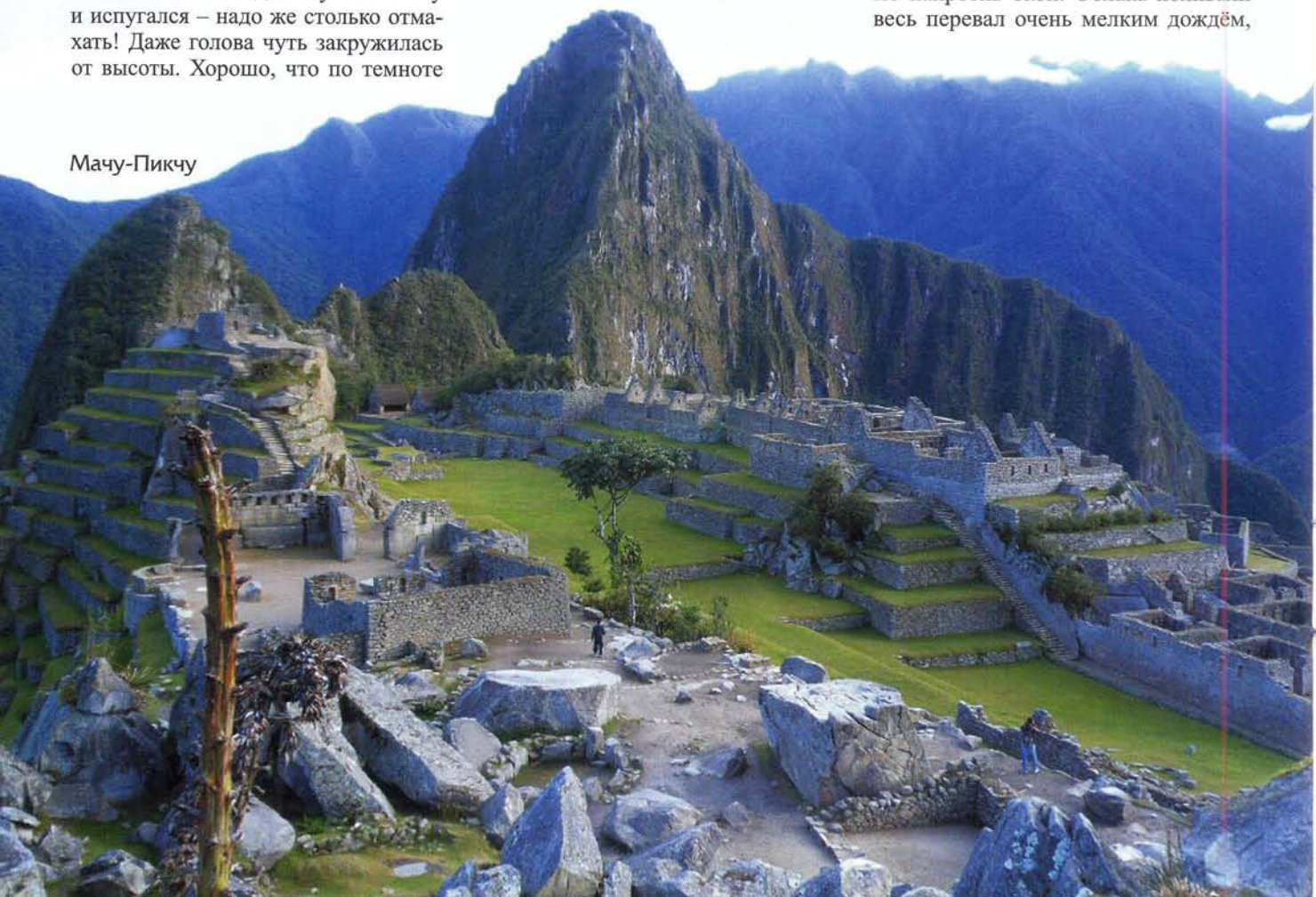
поднимался, иначе бы не справился, наверное. Крепкие всё-таки были древние индейцы, не простое это занятие – по горам карабкаться.

В Мачу-Пикчу я поднялся вместе с восходом. Солнце осветило сначала вершину Уайна-Пикчу, у подножья которой город примостился, затем соседние горы, а вслед за этим и сами руины. Несколько минут, пока солнце не оторвалось от горных вершин, руины горели золотым огнём, каждый камень пылал, словно огромный уголь, и вдруг, словно по команде, погасли и превратились в памятник архитектуры. Интересный, уникальный – целый город на малюсеньком пятачке! Облака напротив – если встать в центре и повернуться вокруг оси – вершины окружающих гор рядами стоят, облака, опять вершины.

Я взобрался на самую высокую точку города и сидел часа два, удивляясь.

По дороге в Мачу-Пикчу на горном перевале я видел дом крестьянина-индейца. Он был построен из камней на крохотном пятачке, нависающем над самой пропастью. Стены дома являлись продолжением каменного уступа, орлы кружили прямо напротив окон. Облака поливали весь перевал очень мелким дождём,

Мачу-Пикчу

мальчишка-индеец перегонял отару овец на новое пастбище. Воздух был настолько чист, что кружилась голова. Я сидел и удивлялся тому разнообразию жизни, которое имеет место быть на нашей планете, тем традициям, что не умерли и живут по сию пору в разных частях Земли.

Незванный гость

Для жителей Боливии я сразу превратился в «гринго» – не приспособленного к жизни американца. Смешно, но они считали меня богаче: при плотном общении то один, то другой боливиец хлопал меня по карману, делал многозначительное лицо, цокал языком и повторял: «доллар, доллар». А вообще демонстративно не обращали на меня внимания.

Это невнимание ощущалось и у границы с Перу, и дальше, в горах, далеко от границ и столиц. В деревнях мне неохотно продавали еду, а иногда отказывали даже в воде (хотя, думаю, причина – в элементарной бедности). Приходилось целиком рассчитывать на себя. Но всё рассчитать невозможно, как невозможно всё предугадать. На высокогорье трудно рассчитать расход воды – её недостаток организм переживает очень мучительно. Приходилось понемногу, но постоянно пить. Один раз я, вместо воды, взял негазированный лимонад (он продаётся в боливийских магазинах – им запросто можно отравиться), пришлось его выбросить, и я экономно тянул последнюю оставшуюся литровую бутылку воды, совсем не представляя, что буду делать, когда она закончится. И очень обрадовался, когда, спускаясь с очередного кряжа, увидел несколько сбитых в общую кучу серых убогих хижин из кирпича-сырца. Индейцы в горах Боливии строят дома очень просто. Они берут обычную глину, перемешивают её с соломой, добавляют воду и замешивают. Из получившегося раствора лепят кирпичи, высушивают их прямо на солнце и строят из этих кирпичей дома и надворные постройки. Если почва красного цвета – то и дома тот же цвет имеют, если почва серая, то и дома грязно-серого цвета.

На обочине стояла старая грузовая машина с побитыми бортами и давно облупившейся краской. Трое индейцев, бросив работу, смотрели, как я,

Дома из кирпича-сырца

объезжая крупный щебень и кочки, медленно спускался к ним с вершины кряжа. Я подъехал, поздоровался и, показав пустую бутылку, попросил воды. Они насмешливо переглянулись. Один из них, блеснув зубами и ухмыляясь, махнул рукой в сторону хижин.

Я оставил велосипед у глиняной ограды, а сам вошёл во внутренний двор, понимая, что это не просто бесполезно, но и небезопасно. Я не знал, как эти люди поведут себя при моём появлении, но у меня не было выбора – путь был ещё далёк, а воды в запасе почти не оставалось.

Во дворе перед входом в дом находилось человек 12 мужчин, женщин и детей. Мужчины, прекратив разговор, угрюмо уставились на меня. Несколько детей замерли на месте, настороженно глядя прямо в глаза. Даже младенец на руках сидевшей напротив женщины закричал и отклонился назад так, что я успел увидеть и его лицо, и чумазую грудь матери с чисто облизанным соском. Лишь две козы, не обращая ни на кого внимания, толкаясь и поднимая пыль, тянули воду из старого, грязного ведра.

Я почувствовал себя очень неловко и опять поднял вверх пустую бутылку. В ответ один из индейцев кивнул на ведро, из которого пили козы, и попытался что-то объяснить, другой пожал плечами. Женщины замахали руками и начали что-то быстро и недовольно кричать, показывая на выход. Мне ничего не оставалось – только вздохнуть и неловко извиниться. Я попятился спиной к выходу, всё ещё надеясь, что в последнюю минуту что-то изменится в мою пользу, но ничего хорошего не произошло.

И всё же в тот день мне повезло – водитель одной из машин остановился, долго о чём-то расспрашивал, а в конце разговора оставил мне двухлитровую бутылку воды – видимо,

Жительница Боливии

он понял мою ситуацию. А у меня к концу дня не осталось сил на разговоры, и во время нашей беседы в голове назойливо крутилась одна и та же мысль: учат ли они какой-то иностранный язык в школе – очень уж общаться трудно. Когда кто-то заговаривал со мной на английском, я так радовался, словно мы говорили на русском языке.

Прощание

Целый день я катался по Буэнос-Айресу. Не торопясь, без всякой цели, почти не прикасаясь к карте, жадно всматриваясь по сторонам. И опять, как всегда в конце путешествия, испытывал грусть, ведь здесь оставался целый кусок моей жизни. Что, по большому счёту, я мог увезти с собой? И что важнее? Какие-то вещи, сувениры? Впечатления, фотографии, видеозаписи? Или то эмоциональное состояние, в котором я пребывал здесь, что испытал, пережил, понял?

В аэропорт приехал своим ходом. Долго и тщательно разбирал и упаковывал велосипед, а потом почти всю ночь перебирал и перечитывал записи в своей записной книжке. Рано утром вылетел в Москву. Самолёт летел над Уругваем и Бразилией, а три часа спустя в иллюминатор далеко внизу я увидел берег южноамериканского континента, увидел устье Амазонки и океан, разделяющий наши материки. Я видел голубую воду океана и жёлтый берег только что покинутого континента. Я понимал, что мне в жизни очень повезло: я побывал там, куда много раз скользил мой взгляд за указкой на уроке...

Владимир Кочетков,

член Ульяновского
регионального отделения
Русского географического общества

Фото автора